

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.В. Юревич

ПСИХОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИЙ

Препринт WP6/2007/03

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
ГУ ВШЭ
2007

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

Юревич А.В. Психология революций. Препринт WP6/2007/03. — М.: ГУ ВШЭ, 2007. — 32 с.

Автор подвергает критике сложившуюся в марксизме традицию объяснять социальные революции лишь политическими и экономическими причинами. По его мнению, необходимы комплексные объяснения революций, в которых существенное внимание уделялось бы и социально-психологическим факторам. В статье рассматриваются социально-психологические факторы революций, различные подходы к их изучению, возможность революций в современном мире вообще и в нашей стране в частности.

УДК 316.62
ББК 88.5

Yurevich A. Psychology of Revolutions: Working paper WP6/2007/03. Moscow: State University — Higher School of Economics, 2007. — 32 p. (in Russian).

The author criticizes the Marxist tradition to explain social revolutions mainly by political and economic causes. To his mind, complex explications of revolutions are required that are to pay considerable attention to socio-psychological factors. The article deals with socio-psychological factors of revolutions, different approaches to their comprehension, the possibility of revolutions in the modern world in general and in our country in particular.

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprints ID/default.aspx>

© А.В. Юревич, 2007
© Оформление. ГУ ВШЭ, 2007

«Революционное уравнение»

В исследованиях второй половины XX в. революции определяются как «формы глобальных, насильственных и быстрых социальных изменений»¹, как «быстрые базисные изменения государственного устройства и классовой структуры общества»² и т. п. В этих определениях акцентируется, во-первых, быстрое, во-вторых, радикальное, в-третьих, насильственное изменение существующего социального порядка.

Значимость, а стало быть и привлекательность революций в качестве объекта научного анализа, связана не только с тем, что они являются социальными событиями, имеющими огромное самостоятельное значение, но и с тем, что они служат «линзами, сквозь которые лучше видится повседневная организация общества»³, и, соответственно, «объяснение революций является важным условием более полного знания общества и его понимания»⁴.

В исторической ретроспективе революции, как правило, видятся сквозь призму либо идеологием победившей стороны (вспомним советский образ Октябрьской революции), либо всевозможных мифов, что препятствует их адекватному восприятию и объяснению. Научный же анализ нацелен на выявление истинных причин революций и, если он не направляется идеологемами, чьими-либо личными или групповыми интересами, в свете которых необходимо не объяснить, а оправдать революции, то предполагает их многоаспектное, комплексное объяснение.

Тем не менее научные интерпретации революций тоже часто носят односторонний характер. Различные «измы» — виды одностороннего детерминизма — характерны не только для терминологического аппарата учений о революциях (капитализм, социализм и т. п.) и их названий (марксизм и др.)⁵, но и для воплощенной в них логики объяснения революционных событий. Революции объясняются в какой-либо одной плоскости (экономической, политической и т. д.) на фоне кажущейся очевидной для всех

¹ Zagorin, 1982, p. 17.

² Skocpol, 1979, p. 4.

³ Johnson, 1966, p. 1.

⁴ Zagorin, 1982, p. 151.

⁵ И.М. Савельева и А.В. Полетаев пишут: «На протяжении последних двух веков в политической и идеологической лексике постепенно утвердилась целая серия “измов”: либерализм, социализм, радикализм, анархизм, неоглобализм и т. д. Мир политики маркирован “измами”, которые, с одной стороны, служат для конструирования прошлого и настоящего, а с другой — являются своеобразным способом обозначить идейные течения, социальные силы и организации» (Савельева, Полетаев, 2006, с. 367).

социальных наук истины, состоящей в том, что революционные события несут комплексный характер и не могут быть сведены лишь к какой-либо одной категории причин. Они характеризуются как комплексные явления, зависимые от конвергенции ряда независимых процессов⁶. Однако в трактовках революций «измы» явно преобладают над разносторонними, комплексными объяснениями, а экономический и политический детерминизм явно доминирует над другими его видами. Например, распространенные у нас объяснения революции 1991 г.⁷ построены преимущественно в рамках политического детерминизма: дескать демократия победила тоталитаризм, а в книгах одного из активных участников тех событий — Е.Т. Гайдара — отчетливо выражен экономический детерминизм⁸: цены на нефть упали, стране грозил голод, и, дабы его избежать, понадобилась радикальная реорганизация нашей экономической системы⁹.

Для объяснения революций характерен и «постулат непосредственности»: их, как правило, объясняют экономическими, политическими, социальными и прочими факторами *самими по себе*, «игнорируя опосредствующие факторы — сознание и действия людей»¹⁰. Более того, в теориях революций обращение к психологическим факторам часто трактуется как «волюнтаристское», не только очень нежелательное, но и нарушающее характерные для построения этих теорий «правила хорошего тона»¹¹. В то же время трудно не согласиться с тем, что «классы, государства и даже международные экономические отношения не существуют сами по себе, а предполагают *отношения* между социальными субъектами. Они создаются, осуществляются и поддерживаются путем взаимодействия людей», и даже такой феномен, как социальный класс, — это «явление, представ-

⁶ Skocpol, 1979. Существенно подчеркнуть, что, при их подчиненности общим закономерностям, различные виды революций имеют и свою специфику. В частности, революции, происходящие в центрах мировой цивилизации, отличаются от революций, происходящих на ее периферии, например, в «банановых республиках». «Центральные» революции, как правило, руководствуются социалистической идеологией, в то время как «периферические» революции — националистической (Wallerstein, 1989). Принято различать «ранние» и «поздние» революции (Kimmel, 1990). Существуют различия и между другими типами революций, не делающие эфемерными, впрочем, и их общие закономерности. В последнее время обозначились и такие виды революций, как «бархатные» революции, «оранжевые» революции и т. п., и вообще, по-видимому, каждое время порождает характерный именно для него тип революций.

⁷ Соответствующие события пока не получили однозначной квалификации, не только оценочной, но и концептуальной, однако даже в вузовских и школьных учебниках они все чаще квалифицируются как революция, каковой их, по-видимому, и следует считать.

⁸ К. Полянши называет объяснение происходящего в обществе преимущественно экономическими факторами «экономическим заблуждением» (Polanyi, 1957).

⁹ Гаидар, 2006.

¹⁰ Kimmel, 1990, p. 186.

¹¹ Ibid, p. 186.

ленное в человеческих отношениях»¹². По мнению Р. Муснье, «в ситуациях бунта и революции отсутствуют линейный детерминизм, прямая связь в системе событий, которые могли бы их объяснить и оправдать. Эта связь является психологической, очень сложной психологической связью, а историк (можно также добавить: политолог, экономист и т. д. — А. Ю.) в большинстве случаев не способен постичь сознательную или бессознательную психологию людей, действия которых он изучает»¹³. Соответственно, вполне обоснованным звучит призыв М. Киммеля «вернуть людей в революционное уравнение», но «не в качестве единственного пункта для объяснения революций, а в контексте глобальных социальных процессов»¹⁴.

Психологическая наука всегда проявляла большой интерес к революциям. Один из основателей социальной психологии Г. Ле Бон был в числе пионеров психологического объяснения революций. В книге со знаковым названием «Психология революции»¹⁵ он истолковал очень несимпатичную ему Французскую революцию как проявление иррациональности, агрессивности и склонности к насилию больших скоплений людей, именуемых им толпами. Эту линию в объяснении революций продолжил другой основоположник социальной психологии У. Макдаугалл, который тоже подчеркивал слепую иррациональность революционных толп, в революционном экстазе сносящих все вокруг, и «патологический» характер их действий. Иррациональность поведения толп или, в более привычной нам терминологии, революционных масс, отмечал и З. Фрейд, считавший их невротичной формой группового поведения. Фрейд также находил большое сходство между революционными идеологиями, в частности, социализмом, и религией, и при этом очень уважительно относился к построению социализма в нашей стране как к одной из самых грандиозных попыток усовершенствовать цивилизацию¹⁶. А такой известный последователь Фрейда, как В. Райх, писал, что политическая революция не может победить, если она не сопровождается соответствующим изменением морали — сексуальной революцией. «Определить свободу — это то же самое, что определить сексуальное здоровье»¹⁷, — провозглашенный им лозунг, нашедший поддержку со стороны Г. Маркузе и других фрейдомарксистов. Поиски связи между революциями и сексом продолжил Х. Менкен, назвавший их «сек-

¹² Kimmel, p. 205.

¹³ Mousnier, 1970, p. 157–158.

¹⁴ Kimmel, 1990, p. 206.

¹⁵ Le Bon, 1913.

¹⁶ В его работах можно встретить и весьма «социалистические» утверждения, например, такое: «По природе своей человек хорош и доброжелателен к своему соседу; но институт частной собственности испортил его природу» (Freud, 1961, p. 60).

¹⁷ Цит по: Robinson, 1969, p. 52.

сом политики»¹⁸. А Н. Смелсер, напротив, назвал коллективное поведение «действием импотентов», имея в виду, что в него включаются те, кто не способен достичь своих целей путем индивидуального поведения¹⁹.

Идея иррациональности революционных толп, впрочем, впоследствии была уравновешена представлением о том, что многие в этих толпах ведут себя вполне рационально, преследуя определенные групповые и личные интересы, и мотивы революционного поведения не могут быть сведены только к иррациональному, разрушительному началу²⁰. Многие современные теоретики революций принимают характерную для марксизма трактовку этого явления как *рационального* процесса или, по крайней мере, как рациональной реакции на иррациональные социальные обстоятельства. М. Киммель пишет: «Идеи и эмоции надо рассматривать в социальном контексте; структурные изменения в обществе создают основу для революционного поведения, которое в результате выглядит как рациональное и объяснимое, а не только как проявление слепого гнева иррациональной толпы»²¹.

Лидеры и ведомые

Можно выделить два основных направления социально-психологического объяснения революций, акцентирующих соответственно психологические качества лидеров революций или более глобальные социально-психологические процессы, порождающие революционные события. Одни авторы психологических интерпретаций революций сосредоточиваются на психологических характеристиках их лидеров, пытаясь понять, почему люди становятся революционерами, которым удается вести за собой массы, другие — на психологических характеристиках ведомых и психологическом состоянии обществ, в которых происходят революции. При этом и те, и другие, как правило, опираются на идею Фрейда о невротическом характере связи между лидерами и ведомыми, в частности, на его утверждение о том, что «группа представляет собой послушную орду, которая не может жить без хозяина. Она испытывает жажду подчинения, которая вынуждает инстинктивно подчиняться любому, кто провозглашает себя хозяином»²². Популярность этой идеи не вполне понятна в свете того, что

¹⁸ Kimmel, 1990.

¹⁹ Smelser, 1962.

²⁰ Olson, 1965.

²¹ Kimmel, 1990, p. 33.

²² Freud, 1959, p. 13.

революции часто направлены именно против хозяев, хотя нередко и увенчиваются сменой одних хозяев другими, причем худшими, нежели низвергнутые. Тем не менее нельзя не признать и того, что революции, как правило, порождают вождей и предполагают не критическое подчинение им. А вопрос о том, что более характерно для революций — слепое подчинение лидерам или ниспровержение авторитетов, видимо, не имеет однозначного решения.

В результате изучения психологических характеристик «революционных личностей», т. е. революционеров, К. Лейден и К. Шмитт делают категоричный вывод: «только авторитарные личности имеют потребности и убеждения, необходимые для успешного совершения революций»²³, что во многом объясняет, в частности, чудесное перерождение наших революционеров-демократов, которые, придя к власти, стали проводить свои революционные преобразования хотя и от имени демократии, но отнюдь не демократическим путем²⁴. А. Уолферстайн, изучив биографии и психологические особенности таких людей, как Ленин, Троцкий и Ганди, пришел к выводу о том, что ключевым фактором, толкнувшим их на тернистый путь революционера, послужили взаимоотношения с отцами²⁵. В интерпретации Уолферстайна революционеры, у которых в детстве сформировался протест против авторитарных отцов, обращают его на государство. К протесту против авторитарного отца примешивается Эдипов комплекс, идентификация с отцом и желание быть на него похожим тоже обращены на государство. В результате протестующие против авторитаризма, придя к власти, сами становятся весьма авторитарными²⁶. Соответственно, революции предстают не как следствие конфликтов между классами, обществом и государством и т. п., а как выражение личных психологических проблем революционеров, решающих их не во внутриличностном, а в глобальном социальном пространстве, что выглядит как очередная крайность — «изм», в данном случае личностно-психологический, в объяснении революций.

²³ Leiden, Schmitt, 1968, p. 81.

²⁴ Как пишет Н.М. Ракицкий, «развитие России в течение всей ее истории осуществлялось скачкообразно, когда все силы страны путем чрезвычайного рывка бросались на преодоление предшествующего реформам отставания от Запада: государственное правление Ивана Грозного, эпоха Петра I, реформы Александра II и реформы Столыпина, сталинская индустриализация, хрущевское «догнать и перегнать», горбачевская перестройка, ельцинская «демократизация всей страны». Правящая элита насильственно осуществляла реформирование антигуманными, подчас даже варварски жестокими методами» (Ракицкий, 2002, с. 68). То, что ельцинские «демократические реформы» автор ставит в один ряд с правлением Ивана Грозного и сталинской индустриализацией, возможно, выглядит перегибом, однако не лишено оснований.

²⁵ Wolfenstein, 1971.

²⁶ Ibid.

В качестве главного личностного качества, делающего лидеров революций привлекательными для их последователей, рассматривается харизматичность²⁷. В то же время харизматичность, понимаемая М. Вебером и его последователями как «нерациональная форма авторитета», трактуется как несводимая к психологическим качествам самих революционных лидеров, а являющаяся продуктом их восприятия сквозь призму групповых эмоций и ожиданий. М. Киммель подчеркивает, что объяснение харизматичности революционных лидеров следует искать не столько в их личностных качествах, сколько в социально-психологическом состоянии соответствующих обществ и характерных для них коллективных эмоциях²⁸. Эта трактовка распространяется на феномен политического лидерства в целом и, в частности, на такую его экстремальную форму, как «феномен вождя», что может быть продемонстрировано даже с помощью языковых штампов. Выражения «вождь индейцев» или «вождь мирового пролетариата» звучат вполне органично, в то время как словосочетания «вождь американцев» или «вождь демократов» выглядят довольно анекдотично. «Феномен вождя» предполагает не только наличие лидера, обладающего определенными личностными качествами, но и соответствующую социокультурную, политическую и социально-психологическую среду.

В целом же в современных психологических интерпретациях революций преобладает представление о том, что главную роль в их свершении играют не лидеры, а ведомые. «Важнейшую часть любой революционной толпы составляют благопристойные, уважающие себя обычные люди, механики и чернорабочие, бакалейщики, пекари и изготовители свечей», а отнюдь не профессиональные революционеры, — считает Т. Эдвардс²⁹, а К. Бринтон подчеркивает, что в своем большинстве в революции участвуют «вполне обычные мужчины и женщины... не подверженные чему-либо, требующего обращения к психиатру»³⁰.

Вместе с тем революции рассматриваются и как «социальная зараза», распространяющаяся путем коллективного заражения³¹. Данная точка зрения перекликается с трактовкой революций как социальных аномалий или мутаций, а не необходимых стадий в развитии общества. Ч. Элвуд и другие аналитики революционного процесса еще в начале прошлого века подчеркивали, что этот процесс является нарушением нормального развития общества³². Ш. Айзенштадт пишет, что «возникновение революций... долж-

²⁷ Kimmel, 1990; и др.

²⁸ Kimmel, 1990.

²⁹ Edwards, 1982, p. 102.

³⁰ Brinton, 1965, p. 119–120.

³¹ См.: Kimmel, 1990.

³² Ibid.

но рассматриваться не как естественное и неизбежное развитие общества, а скорее как уникальное развитие событий или мутация»³³.

Среди различных направлений психологической трактовки революций заметное место занимает феномен разрыва между реальностью и ожиданиями. Одна из интерпретаций последствий этого разрыва строится на основе разработанной Н. Миллером и Дж. Доллардом теории взаимосвязи между фрустрацией и агрессией и сводится к тому, что неудовлетворенные ожидания вызывают фрустрацию, а та порождает агрессию, находящую выражение в революционном поведении³⁴. При этом считается, что чем выше уровень фрустрации в обществе, тем больше политическая нестабильность и, соответственно, тем выше уровень революционного возбуждения масс. Данную закономерность трудно оспорить, хотя следует подчеркнуть, что повышенный уровень фрустрации, равно как и агрессии в обществе далеко не всегда приводит к революциям, т. е. явно недостаточно объяснять их как реакцию на массовую фрустрацию. Близкая интерпретация строится на основе теории когнитивного диссонанса³⁵ и предполагает трактовку революций как социальных действий, вызванных стремлением восстановить консонанс между реальностью и ожиданиями.

Подмечено, что наиболее остро разрыв между реальностью и ожиданиями переживают социальные группы, положение которых ухудшается, например, в результате проводимых в обществе реформ. Реформы, с одной стороны, вызывают у этих групп надежды на улучшение их социально-экономического положения, с другой, — приводят к ухудшению этого положения, что обостряет конфликт между реальностью и ожиданиями. Ярким примером может служить значительная часть современной российской интеллигенции, которая активно поддерживала наши реформы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. истекшего столетия, но резко изменила свои настроения, ощутив на себе результаты этих реформ (здесь уместно вспомнить о том, что в начале XX в. отечественная интеллигенция пережила нечто похожее).

Многие теоретики революций, начиная с Э. Дюркгейма и З. Фрейда, сравнивают революционную энергию масс с вулканами: она накапливается до некоторой критической величины, по достижении которой «вулкан» извергается, разрушая сложившуюся политическую структуру общества. Революции дают выход революционной энергии масс, в результате чего

³³ Eisenstadt, 1978, p. 334.

³⁴ Adas, 1979.

³⁵ Когнитивный диссонанс, впрочем, иногда не возникает даже в тех случаях, когда он, казалось бы, неизбежен. Так, характерная для значительной части наших сограждан перцептивная структура «в стране все плохо, но президент — хороший» выглядит явно диссонантной, но не воспринимается ими в качестве таковой.

после их совершения, как правило, устанавливается «довольно длительный период мира и спокойствия»³⁶.

В принципе, подобное представление противоречит и истории гражданских войн, и периоду репрессий, часто наступающему вслед за революциями: и то, и другое трудно назвать «периодом мира и спокойствия». Однако «энергетическое» объяснение революций выражает тот давно уловленный многими обществоведами, публицистами, да и самими революционерами факт, что революционная энергия масс не беспредельна и, разрядившись революцией, восстанавливается не скоро. Во многом поэтому революции часто сопровождаются репрессиями, порождающими у потомков вопрос, как их можно было терпеть³⁷, и непонимание того, почему в результате революций подчас утверждаются более авторитарные режимы, нежели низвергнутые ими.

С позиций «энергетического» объяснения революций ответ состоит в том, что массы, революционная энергия которых выплескивается во время революционных событий, впоследствии становятся объектом тирании, ибо у них не остается сил для протеста, а тем более для новых революций. Возможно, каждый народ имеет свой период «революционной пассионарности» (англичане в XVII в., французы в XIX, россияне в начале и в конце XX в.), а по прошествии этого периода совершение ими революций очень маловероятно. В период, непосредственно предшествующий революциям, в обществе ощущается психологическое напряжение, которое сказывается на всех уровнях социальных отношений. Это напряжение и революционная энергия масс в принципе могут разрядиться разными способами, порождая нереалистичные фантазии, криминальное поведение, массовые психические расстройства, психосоматические заболевания и т. п.³⁸, а также актуализировать различные механизмы психологической защиты, препятствующие выражению деструктивных настроений в революциях³⁹. Однако спустя некоторое время подобные механизмы утрачивают эффектив-

³⁶ Edwards, 1982, p. 51.

³⁷ В частности, как отмечает Е.Б. Шестопал, базируясь на результатах опросов общественного мнения, «период правления Б. Ельцина, очевидно, можно занести в книгу рекордов Гинесса по числу недовольных властью. Остается только удивляться, как мог десять лет продержаться режим, который практически никто не поддерживал» (Шестопал, 2002, с. 38).

³⁸ Приведем в этой связи высказывания Ю.А. Красина по поводу современного российского общества: «“Россия бедная” безмолвствует, и это порождает у богатых и власть имущих иллюзию стабильности. Но в недрах общества назревают опасные процессы, накапливается энергия протеста. Не выходя открыто в политическую сферу, она проявляется в социально девиантном поведении больших групп населения. Протест выражается в уходе из общественной жизни в сферу криминала, в наркоманию, алгоголизм, мистику и религиозный фанатизм. Подобная форма протеста не менее губительна, чем та, которую поэт назвал “бунтом жестоким и бессмысленным”» (Красин, 2006, с. 974).

³⁹ Johnson, 1966.

ность, в результате чего протестная энергия масс обретает революционные формы. И очень многое зависит от способности властвующей элиты обуздать эту энергию, направить ее в мирное или немирное, но безобидное для существующего режима русло.

Революционная мобилизация

Одна из главных проблем, возникающих при психологическом изучении революционного поведения, — это, естественно, проблема его *мотивации*, т. е. того, что вынуждает людей оставлять спокойный образ жизни ради участия в революционных битвах. М. Киммель пишет: «Любое научное изучение революций с позиции социальных наук должно включать теорию мотивации, психологию революционного поведения. Такие теории могут базироваться на психологических положениях об универсальных мотивах человеческого поведения или могут объяснять только экстраординарное поведение в революционной ситуации»⁴⁰. Киммель отмечает также, что существуют два основных источника мотивации к революционным действиям: отчаяние и надежда — отчаяние в своей жизни при существующем режиме и надежда на то, что она поменяется к лучшему в результате его изменения. А Н. Смелсер считает, что протестные движения «характеризуются глубоким пессимизмом относительно настоящего и нереалистичным возложением вины на какую-либо личность или класс»⁴¹. При этом, как подчеркивает Т. Скокпол, существует очень простое отношение между мотивацией революционных действий. Во-первых, «революции случаются, а не совершаются» сознательно действующими субъектами, во-вторых, эти субъекты далеко не всегда четко осознают, чего именно они ждут от революций, а их мотивы, как правило, очень сложны и плохо артикулированы, в-третьих, в результате революций почти всегда получается не то, что провозглашалось их инициаторами⁴². Это обстоятельство подчеркивает и Г. Вуд, который пишет: «Цели, преследуемые людьми, особенно в процессе революций, настолько многочисленны, настолько разнообразны, настолько противоречивы, что их взаимодействие порождает результаты, которые никто не планирует и даже не может предсказать»⁴³.

Существуют два вида объяснений мотивации революционного поведения: 1) модель «рационального субъекта», основанная на том, что субъек-

⁴⁰ Kimmel, 1990, p. 11.

⁴¹ Smelser, 1962.

⁴² Скокпол, 1979.

⁴³ Цит. по: Kimmel, 1990, p. 189.

екты революционного поведения «действуют рационально, учитывая свои интересы и примыкая к той стороне, которая обещает их наиболее полное удовлетворение», 2) модель «моральной экономии», предполагающая, что «люди действуют эмоционально, стремясь сохранить свой этический и материальный мир»⁴⁴.

История демонстрирует, что в ситуациях подобного соперничества двух полярных позиций, как правило, оказываются верны обе, но каждая в своей «области значений», т. е. оба механизма приобщения к революционным действиям имеют место, что не означает возможности универсализации одного из них. В частности, довольно трудно себе представить, чтобы в условиях революционной стихии, мало понятной большинству охваченных ею, каждый действовал строго рационально, на основе лишь своих личных интересов. К тому же революционные ситуации — не демократические выборы, и в подобных условиях далеко не всегда существует возможность примкнуть именно к той стороне, которая представляется предпочтительной.

Т. Парсонс подчеркивал, что революционные движения выражают систему различных мотиваций в отношении существующего институционализированного порядка, которые проистекают из напряжений в системе социального равновесия⁴⁵. А Дж. Пейдж постулирует линейную зависимость между уровнем эксплуатации граждан и их готовностью к политической мобилизации⁴⁶. Согласно этой трактовке, революционерами становятся наиболее эксплуатируемые, что подтверждается Пейджем на материале вьетнамской революции, но не слишком хорошо согласуется, например, с историей наших российских революций, организованных отнюдь не представителями социальных низов. Однако Пейдж акцентирует очень существенный аспект мотивации революционного поведения: вьетнамские крестьяне пошли в революцию не из-за того, что подвергались чрезмерной эксплуатации со стороны французских колонизаторов, а потому, что те сломали традиционный для них жизненный уклад. Крестьяне сменили плуги на ружья не потому, что им было нечего терять, как пролетариям в учении Маркса, а вследствие того, что им, наоборот, было что терять и, соответственно, что защищать. Близкую мысль развивает М. Киммель, который пишет: «... когда люди совершают революции, они руководствуются своими мечтаниями. Основания этих мечтаний часто составляют реминисценции, воспоминания о мире, каким он был когда-то, и желание его вернуть»⁴⁷.

⁴⁴ Kimmel, 1990, p. 193.

⁴⁵ Parsons, 1955.

⁴⁶ Paige, 1975.

⁴⁷ Kimmel, 1990, p. 193.

Соответственно, подвергается критике и представление о том, что лидеры революций всегда руководствуются модернизаторскими намерениями. Более того, как отмечает Р. Айя, цели многих из них «были весьма консервативными, даже реакционными, состоявшими в защите старого экономического и политического порядка от посягательств государства или правящего класса»⁴⁸, т. е., вопреки распространенным представлениям о революционерах, они далеко не всегда были реформаторами, а подчас представляли собой контрреформаторов.

В то же время революционные настроения сами порождаются социально-экономическими изменениями, причем, как подчеркивает Р. Айя, «чем быстрее социально-экономические изменения, тем выше уровень политического беспокойства масс»⁴⁹. В данную схему вписывается объяснение Октябрьской революции 1917 г. тем, что социально-экономическое развитие России привело к утверждению капиталистических отношений, чуждых ее общинным, патриархальным и прочим традициям. Этой же логике отвечает и понимание революций как реакции *не на отсутствие назревших реформ, а, наоборот, на сами реформы*, разрушающие традиционный для данного общества уклад жизни и создающие непосильное для него напряжение. Е. Мюллер, в частности, показал на примере стран третьего мира, что революции там часто порождаются слишком поспешной модернизацией и плохо подготовленными демократическими преобразованиями, в результате чего происходит «откат» от демократии, причем на более низкий ее уровень в сравнении с тем, с которого эти преобразования начинались⁵⁰. А если рассматривать произошедшее в нашей стране в октябре 1993 г. как неудавшуюся революцию⁵¹, подавленную режимом Б.Н. Ельцина, то она тоже выглядит как реакция на слишком поспешные социально-экономические преобразования, к которым большая часть населения была не готова.

Вполне убедительной выглядит и критика марксистской схемы, предполагающей, что революционные намерения масс порождаются их эксплуатацией, и чем выше уровень эксплуатации, тем выше и уровень революционной энергии. «Голодающие люди слишком озабочены выживанием для того, чтобы вынашивать планы свержения правительств или проектировать альтернативные модели социального устройства», — резонно замечает

⁴⁸ Aya, 1979, p. 72.

⁴⁹ Aya, 1979, p. 55.

⁵⁰ Muller, 1995.

⁵¹ Отметим, что, как подчеркивает М. Киммель, неудавшиеся революции, не увенчавшиеся свержением существующего строя, тоже следует считать революциями, а теория революций должна объяснять не только сами революции, но и обратное им явление — контрреволюции (Kimmel, 1990).

М. Адамс⁵². И действительно, история свидетельствует о том, что главными вдохновителями революций становятся не голодающие, а вполне обеспеченные люди, не занятые заботой о хлебе насущном и поэтому имеющие возможность размышлять о судьбах народов и цивилизаций. И вообще, как подчеркивает Т. Эдвардс⁵³, революционные настроения у тех или иных социальных групп порождаются не их обнищанием, а снижением их места в социальной иерархии: больше всего недовольны существующим социальным порядком не те, кто всегда жил плохо, а те, кто прежде жил относительно (других социальных групп данного общества) хорошо, но в результате реформ или каких-либо иных социальных пертурбаций ухудшил свое положение⁵⁴. В эту логику вписывается оппозиционность современной российской интеллигенции, большая часть которой пострадала от реформ, а также таких социальных групп, как военные и др., принадлежавших в советском обществе к числу наиболее обеспеченных и престижных. Для этих социальных групп характерно наихудшее социальное самочувствие, порождающее мотивацию к радикальному изменению существующего режима и соответствующие политические ориентации⁵⁵. Именно они составили ядро социально-профессиональных сообществ, которые стали систематически использовать такое средство воздействия на власть, как «массовое солидарное протестное действие»⁵⁶. Следует подчеркнуть и то, что стержневым компонентом революций обычно является позиция «лидеров мнений» — формирующих общественное мнение интеллектуалов, которые утрачивают лояльность существующей системе и превращаются в ее критиков⁵⁷.

Влияние внешних обстоятельств

Описанные ситуации высвечивают неадекватность объяснения революций лишь «внутренними» причинами, т. е. происходящим в том или ином государстве в отрыве от международного контекста, например, классовой борьбой. «Считать классовую борьбу единственной движущей силой ис-

⁵² *Adas*, 1979.

⁵³ Этот автор, впрочем, довольно противоречив. Он констатирует также, что «затерявшиеся в открытом море матросы, ощущая недостаток пищи, всегда вводят коммунизм» (*Edwards*, 1982, р. 203), и подчеркивает, что «русский коммунизм не был следствием теории, он был результатом кризиса», явно недооценивая роль концептуально-идеологического обоснования революций.

⁵⁴ *Edwards*, 1982.

⁵⁵ *Козырева и др.*, 2001.

⁵⁶ *Климов*, 2001, с. 330.

⁵⁷ *Brinton*, 1965; и др.

тории — это одностороннее, а следовательно, ошибочное преувеличение, — пишет О. Хинтце. — Конфликты между нациями играют куда более важную роль; давление извне оказывает большое влияние на внутривнутриполитические процессы»⁵⁸. С этим трудно не согласиться, если вспомнить, какую роль среди причин двух российских революций 1917 г. сыграла война с Германией или какое влияние западные страны и их идеология оказали на наших реформаторов в конце прошлого столетия.

Р. Коллинз напрямую связывает революции с провалом международной политики государств, в которых они совершаются⁵⁹. Во-первых, неудачи в международной политике, особенно в войнах, как правило, сопровождаются ослаблением государств, терпящих эти неудачи, и, соответственно, ослаблением их репрессивного аппарата, сдерживающего революционные импульсы. Во-вторых, они повышают недовольство существующим режимом, правящей элитой и т. п., что приводит к усилению этих импульсов. Ярким примером и того, и другого может служить неудачное участие России в Первой мировой войне. А Афганская война хотя и не ослабила существовавший в нашей стране репрессивный аппарат, но заметно усилила недовольство советским режимом и сомнения в его эффективности.

Влияние неудач во внешней политике, особенно в войнах, на возникновение революционных ситуаций хорошо вписывается и в психоаналитическую логику объяснения. Если по своей природе человек агрессивен и ему свойственно разрушительное начало, то агрессивные массы, потерпев неудачу в применении своей разрушительной энергии вовне — в отношении других государств, начинают выплескивать ее в своих собственных государствах, что и приводит к революциям. Из этого следует, что сублимация революционной энергии масс в межгосударственных войнах — ход очень опасный, ибо только успех в этих войнах может принести желаемый результат, а неудача, напротив, обращает эту энергию «вовнутрь», что и произошло в России в начале XX в. Однако это объяснение предполагает, будто уровень агрессивной энергии масс — величина константная, не понижающаяся в результате вымещения этой энергии на противнике, что противоречит историческим примерам «умиротворения» таких стран, как Германия и Япония, в результате их поражения в войне.

Р. Коллинз описывает также возможность парадоксальных психознергетических последствий войн, состоящих в том, что и победы в них могут содействовать революциям. Участие в войнах, даже в победоносных, порождает «перенапряжение», которое может разрядиться в революциях. И вообще, как отмечает Коллинз, «геополитическое перенапряжение явля-

⁵⁸ *Hintze*, 1975, р. 183.

⁵⁹ *Collins*, 1986.

ется ключевым условием революций»⁶⁰. Оно приводит к тому, что «перенапрягшееся» государство не может сдерживать революционные импульсы: «...военное перенапряжение государства приводит к снижению его силы»⁶¹.

Коллинз пишет и о том, что революции имеют не только общесоциальное, но и личностно-психологическое значение, порождая у граждан чувство надежды, радости, возможности личностных изменений и разрушения границ, как политических, так и психологических. Действительно, без этих «энергетических ресурсов» коллективных действий революции трудно себе представить, а само утверждение главенствующей роли соответствующих коллективных эмоций выглядит весьма тривиальным. Однако ощущение тривиальности исчезает, если рассматривать его как *конъюнкцию* двух эмоциональных факторов в качестве условия революций, более того, этой конъюнкции можно придать прогностические свойства. Скажем, если в обществе налицо массовое недовольство существующим режимом, но ему не видится внятных альтернатив и нет уверенности в том, что от его радикального изменения жизнь станет лучше, революция теряет существенную слагаемую своего энергетического потенциала и становится маловероятной. Вместо массового революционного настроения возникают массовая апатия и аномия⁶², вызванные разочарованием в существующем режиме *на фоне отсутствия сколько-нибудь вдохновляющих альтернатив*, что было очень характерно для России в конце 1990-х гг., когда наблюдалась «массовая тенденция настроений угнетенности, апатии и социального пессимизма»: лишь 15–20% населения выражали надежду на лучшее будущее⁶³, полностью удовлетворены своей жизнью были лишь 4% населения, а 68% не уверены в своем будущем⁶⁴. «Ситуация аномии, как правило, сопровождается ретритизмом»⁶⁵ (т. е. уходом в себя, воздержанием от политической активности. — *А. Ю.*) и обостряется такими характерными для нашего общества «социальными болезнями», как реформофобия, бандитофобия и другие виды социальных страхов, которыми, как свидетельствует статистика, страдает до 70% наших сограждан. А для того чтобы массовая апатия сменилась желанием действовать, нужна альтернатива существующему порядку, способная, как некогда идея коммунизма, вызвать массовый энтузи-

⁶⁰ Collins, 1986, p. 69.

⁶¹ *Ibid.*, p. 164.

⁶² По Э. Дюркгейму, коллективная аномия проистекает из того, что моральное развитие общества не поспевает за его социальным и технологическим прогрессом. Это порождает деградацию социальной организации, сравнимую с тем, что происходит с личностью, принимающей решение о самоубийстве (*Durkheim*, 1951).

⁶³ Козырева и др., 2001, с. 245.

⁶⁴ Шубкин, Иванова, 2001.

⁶⁵ Климов, 2001, с. 335.

азм и породить надежду на светлое будущее. Как отмечают И.М. Савельева и А.В. Полетаев, «особенностью социальной утопии в отличие, например, от религии является то, что, помимо иллюзорного варианта решения общей социально-политической ситуации, она содержит практический проект, предлагая попытку социального эксперимента. В этом источник жизненности утопии, ее доступности массовому сознанию. Поэтому утопии и содержат в себе мощный политический заряд»⁶⁶.

Вообще вопрос о том, что заставляет революционно настроенные массы действовать — вопрос о политической *мобилизации* масс — является одним из ключевых для объяснения революций. Для их успешного совершения необходимы четыре главных условия: 1) массовое недовольство существующим режимом, 2) наличие более или менее ясного плана его революционного преобразования, способного вдохновить массы, 3) мобилизация масс на свержение режима и претворение этого плана в жизнь, 4) способность мобилизованных масс сломить сопротивление низвергаемого режима. Первое в таких странах, как наша, имеется всегда. Второе — дело идеологов. Четвертое — вопрос тактики захвата власти, шедевры которого продемонстрировали большевики⁶⁷. Однако, не умаляя значимости всего этого, все же можно утверждать, что самое трудное — третье: превращение массового недовольства в массовые революционные действия. Это прекрасно понимали все организаторы революций (вспомним работу большевистских агитаторов в войсках и др.), а революции, не сопровождавшиеся достаточным уровнем мобилизации масс, проходившие под лозунгом «для народа, но без народа», всегда терпели поражение⁶⁸. И вообще, как отмечает Ч. Тилли, очень немногие революционные ситуации приводят к революционным результатам, обычно они прерываются на стадии мобилизации. Он выделяет три ключевых элемента революций — социальный конфликт, мобилизация, организация — подчеркивая, что мобилизация является важнейшим связующим звеном между первым и третьим, и это

⁶⁶ Савельева, Полетаев, 2006, с. 358.

⁶⁷ Очевидно, для каждого времени необходима своя тактика, что не всегда учитывается революционерами. Так, в 1993 г. протестовавшие против режима Ельцина, будучи воспитанными на ленинских работах, явно использовали основные элементы тактики большевиков, пытались захватить государственные учреждения и телецентр (возможно, видя в нем современный аналог телеграфа, к первоочередному захвату которого призывал вождь мирового пролетариата).

⁶⁸ Исключением из этого правила являются «революции сверху», которые не только не предполагают широкого участия масс, но, напротив, обычно осуществляются на фоне их отстранения от принятия судьбоносных решений. Подобная схема была очень характерной для наших «демократических» реформ, которые совершались от имени народа, но без обращения к его мнению.

обеспечивает трансформацию массового недовольства в революционные действия⁶⁹.

Тилли рассматривает революции как предельное выражение политической борьбы, которая ведется всегда, но принимает революционные формы только в результате массовой мобилизации, т. е. именно эта мобилизация трансформирует перманентно присутствующую политическую борьбу в революцию. Начиная с этапа мобилизации, революционные события, согласно Тилли, проходят семь стадий: 1) политическая мобилизация недовольных режимом, 2) возрастание их численности, 3) безуспешные попытки правительства подавить сопротивление коалиции недовольных, 4) приход этой коалиции к власти или обретение ею контроля над правительством, 5) борьба коалиции за укрепление и расширение своей власти, 6) воссоздание единой государственной политики победившей коалицией, 7) обретение ею власти над населением.

Разумеется, необходимость революционной мобилизации масс осознали и использовали сами революционеры, в результате чего возникла, например, ленинская идея революционной партии, «партии нового типа», способной осуществить эту мобилизацию и претворить революционную энергию масс в успешные революционные действия. И симптоматично, что Л.Д. Троцкий в своей очень известной, но не в нашей стране, а на Западе, книге «История русской революции» сравнивал организацию революционных масс со стволом оружия, который концентрирует энергию пороховых газов и придает ей направленность⁷⁰.

Впрочем, массовая политическая мобилизация может и не привести к революции, если существующие политические институты способны ассимилировать революционную энергию масс «мирным» образом. Как пишет С. Хантингтон, «политическая сущность революций состоит в быстрой экспансии политического сознания и быстрой политической мобилизации новых социальных групп со скоростью, которая исключает их ассимиляцию существующими политическими институтами»⁷¹. То есть революционная ситуация возникает тогда, когда развитие политического самосознания масс опережает трансформацию политических институтов, старая политическая структура общества приходит в противоречие с новым политическим сознанием, которое и «взрывает» ее. В результате одно из объяснений революций основано на акцентировании роли конфликта между государством и обществом, основные потребности которого приходят в противоречие с принципами государственного устройства⁷². Достаточно

⁶⁹ Tilly, 1978.

⁷⁰ Trotsky, 1959.

⁷¹ Цит. по: Kimmel, 1990, p. 62.

⁷² Anderson, 1974.

общепризнанным является и представление о том, что революции происходят тогда, когда ослабленное войной, реформами, развращенностью и слабоумием государственных деятелей государство оказывается неспособным сдерживать давление извне и внутригосударственные конфликты. Как пишут Дж. Гудвин и Т. Скокпол, «идеальные условия для роста широкой революционной коалиции создают репрессивный авторитарный режим, который не способен контролировать свою территорию и свои границы, а также некогда эффективный репрессивный режим, который ослаб во всех отношениях»⁷³. Еще в XIX в. А. Токвиль продемонстрировал эту схему на примере Французской революции, показав, что она была порождена не массовым недовольством репрессивным аппаратом, существовавшим при прежнем режиме, а, наоборот, тем, что этот аппарат был расшатан и ослаблен в ходе реформ⁷⁴.

Объяснение революций классовыми конфликтами тоже не списано в тираж, и целый ряд современных исследователей (Р. Мур и др.) развивает эту, заложенную К. Марксом, традицию. Симптоматично и отношение к учению о классовой борьбе в современной России. В позднесоветское время, когда в нашем обществе не наблюдалось какой-либо классовой борьбы, мы повсеместно штудировали это учение, теперь же, когда наше общество, характеризуясь запредельным децильным индексом, переживает острейшие классовые противоречия (классы сейчас другие, нежели нас учили, но это не суть), учение о классовой борьбе предано забвению. Создается впечатление, что это учение, довольно искусственное для того времени, когда нам его повсеместно навязывали, буквально списано с современной России и является как нельзя более адекватным для объяснения происходящего в ней.

В то же время, как подчеркивает Т. Скокпол⁷⁵, реальные революции плохо вписываются в схему, разработанную К. Марксом, реальные классы отличаются от описанных им абстрактных классов, отношения между ними более сложны, дополнены отношениями между различными маргинальными группами (к какому классу отнести, например, бюрократию или криминальные структуры?), место «авангардных партий», выражающих классовые интересы, занимают «маргинальные элиты» и т. п. В результате в современных теориях революций в центре оказывается понятие социального конфликта, но конфликта не только между классами, а между классами и государством, между различными государствами и т. д., т. е. понятие социального конфликта переносится из классовой в более широкую плоскость.

⁷³ Цит. по: Kimmel, 1990, p. 178.

⁷⁴ Toqueville, 1955 [1856].

⁷⁵ Skocpol, 1979.

Вместе с тем при существовании типовой логики развертывания революций они всегда содержат элемент непредсказуемости, а в переломные моменты их совершения «возможно все»⁷⁶, события могут развиваться в разных направлениях в зависимости от множества обстоятельств. К тому же при существовании относительно инвариантной логики совершения революций, они могут быть обусловлены различными причинами и порождаться разными типами социальных конфликтов. Для разных обществ характерны различные «революционные точки», т. е. области концентрации конфликтов, потенциально чреватых революциями. В частности, в современной России такими «революционными точками» являются отношения между богатыми и бедными, властвующей элитой и народом, этнические конфликты и др.

Революции в современном мире

Отношение к революциям неоднозначно и к тому же переменчиво. Особенно в нашей стране, живущей по «закону маятника» и регулярно переходящей от одной крайности к другой. Отношение к революциям как к «локомотивам истории» и единственно возможному пути освобождения эксплуатируемых классов сменилось у нас отношением к ним как к политическому экстремизму, строго караемому законом⁷⁷. В других странах революции законом тоже, естественно, не приветствуются, однако при этом нередко ассоциируются со свободой, равенством, братством и прочими непреходящими ценностями. Подмечено и то, что наиболее негативное отношение к революциям существует в США, где они воспринимаются как один из основных видов социальной деструкции (революция американских колонистов против англичан, естественно, рассматривается как позитивное исключение).

В аналитической литературе, посвященной революциям, они тоже трактуются полярным образом: от «локомотивов истории», обеспечивающих социальный прогресс, до одной из главных угроз социальной стабильности и цивилизации. «Революции ослабляют законы, обычаи, привычки, верования, которые связывают людей в обществе»⁷⁸, — считает К. Бринтон. «Революция может грубо разрушить многие ценные вещи, однако она же

⁷⁶ Kimmel, 1990, p. 50.

⁷⁷ Очень симптоматично, что за безобидный по своим последствиям ритуальный захват правительственного здания группа «лимоновцев» получила большие сроки тюремного заключения, чем дают закоренелым преступникам.

⁷⁸ Brinton, 1965, p. 51.

может дать жизнь духу свободы, самоценность которого не подлежит сомнению»⁷⁹, — пишет П. Загорин. А вот слова одного из революционеров, выражающие самоценность революций для их участников: «Ни одна забастовка, ни одна демонстрация, ни один бунт не терпят неудачи. Протест против несправедливости всегда побеждает»⁸⁰. И вполне убедительно звучит последняя фраза из книги М. Киммеля: «Хотя обстоятельства могут драматически изменяться от поколения к поколению и от одной страны к другой, но пружины человеческих эмоций, из которых проистекают революции, остаются неизменными в своей нацеленности на артикулирование языка свободы и достоинства»⁸¹.

Разумеется, один из главных вопросов, возникающих в связи с революциями, это вопрос о том, насколько они вероятны в современном обществе вообще и в нашей стране в частности. Было время, когда нам казалось, что революции — удел «банановых республик», а для более развитых стран время революций осталось в прошлом. Две наши недавние революции — удавшаяся, 1991 г., и неудавшаяся, 1993 г., а также «бархатные» революции, «революция роз» и т. п. продемонстрировали, что это большое заблуждение⁸². В результате сформировалось новое представление о том, что революции крайне маловероятны в странах с устоявшейся демократией и весьма возможны в странах, где она не устоялась или вообще отсутствует. Однако и это представление может оказаться ошибочным, и даже страны с устоявшейся демократией, многие из которых переживают острые этнические и т. п. конфликты, вполне способны на революционные «сюрпризы». В частности, недавние погромы в Париже продемонстрировали, что этот потенциальный источник революций в современном мире приобретает особую актуальность, расширяя марксистские представления о революциях, в рамках которых они предстают порождением классовых, но не расовых и этнических конфликтов. И есть основания сформулировать прогноз о том, что в современном мире революции на почве этнических конфликтов выглядят более вероятными, чем революции, порожденные классовыми противоречиями, хотя противопоставлять одно другому, конечно, не следует.

Революции, проистекающие из классовых противоречий, в современ-

⁷⁹ Zagorin, 1982, p. 208.

⁸⁰ Цит. по: Walton, 1984, p. 69.

⁸¹ Kimmel, 1990, p. 224.

⁸² Эти события продемонстрировали также, что революционные выступления масс могут быть вызваны не только непримиримыми классовыми противоречиями, но и такими ситуативными обстоятельствами, как, например, ложь правительства своему народу. В этой связи представляется актуальным различие объективных предпосылок революций и «триггеров» — обстоятельств субъективного характера, «запускающих» революционный процесс (Kimmel, 1990).

ном мире тоже возможны. В этой связи стоит отметить, что исторический спор между капитализмом и социализмом, под знаком которого прошло предшествующее столетие, по всей видимости, еще не завершен. Например, К. Поланьи называл социализм «заложной в индустриальной цивилизации тенденцией преодолевать саморегулируемость рыночной экономики, заменяя ее осознанным подчинением демократическому обществу»⁸³, подчеркивая тем самым, что социализм не только не противоречит демократии, но, напротив, является *демократическим* «ограничением» рыночной экономики.

Вместе с тем в современном обществе более вероятными представляются другие виды революций — «бархатные», «оранжевые», революции «сверху»⁸⁴, революции на этнической почве и др., вынуждающие существенно расширить традиционные представления о революциях и их движущих силах. А из современных представлений о революциях вытекает формула: революции никогда не являются неизбежными (в отличие от марксистской трактовки, в рамках которой они представляли «объективной необходимостью»), но всегда возможны (в отличие от представлений о том, что время революций осталось в прошлом).

Очень важный вопрос — возможна ли революция в условиях демократии, которую принято считать наиболее прогрессивным политическим режимом, не нуждающимся в «улучшении» революционным путем? А. Токвиль писал когда-то, что большинство граждан демократических государств не видят, что они могут выиграть в результате революций, зато видят тысячи вариантов, в результате которых они могут проиграть⁸⁵. А М. Киммель отмечает, что «в условиях демократии революции происходят очень редко, однако возможность революций существует»⁸⁶, что сопряжено с социальной несправедливостью, которая существует и при демократии.

Идея о том, что демократия является абсолютно надежным «лекарством» от революций, не только противоречит событиям последних лет и контрреволюционному «откату» от демократии в странах, форсировавшим ее внедрение слишком быстрыми темпами, но и не вписывается в опыт самой демократии — реальной, а не идеализированной. В основе этой идеи

⁸³ Polanyi, 1957, p. 234.

⁸⁴ Развернутую характеристику «революций сверху» дает Е. Тримбергер. Она описывает их как инспирированные людьми, которые занимают ведущие позиции в государственном аппарате, осуществляемые в целях модернизации и повышения эффективности государственного устройства. Такие революции характеризуются низким уровнем участия масс (всю основную революционную работу выполняет сама властвующая элита), относительной бескровностью и вообще низким уровнем насилия, отсутствием актуализации радикальных идеологий, прагматичностью и поступательным характером (Trimberger, 1978).

⁸⁵ Toqueville, 1955 [1856].

⁸⁶ Kimmel, 1990, p. 32.

лежит вроде бы очевидное рассуждение: если большую часть населения не устраивает власть или существующий социальный порядок, то при наличии демократических механизмов власть можно сменить, а социальный порядок изменить демократическим путем и, соответственно, нет нужды в революциях. Но, во-первых, не всякая власть согласна на смещение демократическим путем, нередко прибегая к фальсификации результатов выборов и другим подобным приемам. Во-вторых, существующий социальный порядок, как правило, бывает закреплён в конституции (редко являющейся продуктом «всенародных» решений) и плохо поддается демократическим изменениям, свидетельством чему является круг вопросов, по которым запрещено проводить референдумы. В-третьих, демократия неизбежно порождает механизмы манипулирования поведением избирателей, подавления оппозиционных сил с помощью государственного аппарата, использования больших финансовых и пиар-ресурсов для проведения избирательных кампаний и т. п., в результате чего часто является «управляемой» демократией, т. е. механизмом реализации интересов тех, кто находится у власти. В ряде стран в подобных условиях, усугубляемых неразвитостью институтов гражданского общества, у «низов» имеются весьма ограниченные возможности воздействия на власть и на существующий социальный порядок демократическим путем. А «низы» недовольны властью и режимом практически всегда, и все зависит от возможности «верхов» сдерживать и амортизировать их недовольство.

Тем не менее существуют весомые аргументы против возможности революций в современной России. Во-первых, наша нынешняя демократия, несмотря на свою молодость, является хорошо «управляемой», а наша власть уже имеет богатый опыт нейтрализации революционных движений (вспомним 1993 г. и последующие события), а также научилась «приручать» оппозицию и даже выращивать ее искусственно. Да и вообще политическая ситуация в современной России вписывается в формулу «верхи не хотят, низы не могут», противоположную марксистской формуле революционной ситуации «низы не хотят, верхи не могут». Во-вторых, каждый народ переживает периоды «революционной пассионарности», по прошествии которого его революционная энергия иссякает. И трудно предположить, что Россия после бурных событий начала 1990-х способна на новые революции. В-третьих, в российском менталитете запечатлен исторический опыт, научивший, что революции, унося множество человеческих жизней и поглощая бездну энергии, которую лучше использовать на нормальное социально-экономическое развитие, не оправдывают возлагаемых на них ожиданий, а идеи, лежащие в основе революций, оказываются мифами. В-четвертых, если исходить из изложенного выше понимания революций как реакции не на отсутствие необходимых реформ, а на сами реформы, то

можно уповать на то, что основная часть наших сограждан к реформам более или менее адаптировалась, если не материально, то, по крайней мере, психологически⁸⁷, и эта предпосылка революций сейчас не так актуальна, как в первые годы преобразований. И, в-пятых, если революции — «локомотивы истории» (история также учит, что эти «локомотивы» могут двигать ее не только вперед, но и в обратном направлении), то «машинистами» в подобных «локомотивах» являются наиболее деятельные, беспокойные люди, стремящиеся к лидерству и остро нуждающиеся в социальной активности. Таких людей в современной России немало, но для них открыто множество социальных «ниш» в бизнесе, политике и т. п., где их потребности находят удовлетворение. Естественно, остается и «ниша» для революционеров-романтиков, руководствующихся высокими социальными принципами, а не потребностями в самореализации, но таких людей в нашем прагматическом обществе остается все меньше.

В марксистской традиции подобные факторы принято относить к «субъективным», что, естественно, несколько не принижает их значения. Главная же «объективная» предпосылка революций в той же традиции — острые социальные противоречия, неравномерное распределение собственности, огромные различия в уровне доходов и т. п. — существует и в современной России, где «общество распадается на два «сословия», которые различаются не только размерами доходов, но и образом жизни, мировосприятием, языком и нормами поведения»⁸⁸. К этой предпосылке добавляются такие «немарксистские» причины революций, как этнические конфликты, радикальные различия в уровне жизни занятых в государственном и частном секторе⁸⁹ и т. п. Вопреки традиционному представлению о революциях как о направленных против государства, возможна и «прогосударственная» революция — восстановление, причем радикальными средствами, строгой вертикали власти и других атрибутов сильного государства, расшатанного либеральными реформами (что, как показывают опросы, отвечает чаяниям большей части российского населения). Разумеется, свою лепту в формирование революционных настроений вносит и поведение правящей — «рублевской» — элиты, «страшно далекой от народа» во всех отношениях⁹⁰. А «в ситуации, когда картина мира правящей элиты кардинально отличается от картины мира общества, элита отрывается от него, теряет эффективность, создается конфликт по известной схеме «вер-

⁸⁷ Журавлева, 2006; и др.

⁸⁸ Красин, 2006, с. 974.

⁸⁹ Козырева и др., 2001.

⁹⁰ По словам Н.М. Ракитянского, «радикал-либералы уже к 1998 г., т. е. за 7 лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты — за 70 лет своего» (Ракитянский, 2002, с. 71).

хи не могут, а низы не хотят»⁹¹. Следует учитывать и то, что научно-технический прогресс порождает технические средства, например, Интернет, способные служить и средствами массовой мобилизации, которая, как было показано выше, является одним из главных условий революций. Но главное, «причиной революций всегда является несправедливость»⁹², а идея социальной справедливости представляет собой одну из «вечных» идей в истории человечества, которая, видимо, всегда будет ориентировать умы на поиск наиболее справедливого социального порядка⁹³. Так что представлению о том, что время революций осталось для нас в прошлом, предстоит выдержать очень серьезную проверку временем.

Литература

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.

Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.

Климов И.А. Социальная мобилизация — морфогенез структуры и действия // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 328—336.

Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Низамова А.Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 243—255.

Красин Ю.А. Политические аспекты социального неравенства // Вестник РАН. 2006. № 11. С. 971—977.

Ракитянский Н.М. Психологические особенности взаимодействия элиты и общества в процессе политического реформирования // Психология восприятия власти. Вып. 1. М.: СП «Мысль», 2002. С. 63—74.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб.: Наука, 2006. Т. 2.

Шестопал Е.Б. Образы власти в России конца XX века. Некоторые результаты исследования 1993—2002 гг. // Психология восприятия власти. М.: СП «Мысль», 2002. Вып. 1. С. 31—52.

⁹¹ Ракитянский, 2002, с. 71.

⁹² Pettee, 1938, p. 31.

⁹³ Характерно, что многие ведущие отечественные обществоведы, например, В.А. Ядов (Ядов, 2006), считают именно социальную справедливость той идеей, которая может стать национальной идеей для новой России. Очень симптоматично выглядит и образование политической партии «Справедливая Россия».

Шубкин В.Н., Иванова В.А. Страхи, тревоги и способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 348—358.

Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций. СПб.: ИНТЕРСОЦИС, 2006.

Adas M. Prophets of Rebellion: Millenarian protest movements against the European colonial order. Chapel Hill, NC: University of North California Press, 1979.

Anderson P. Lineages of the Absolutist State. L.: New Left Books, 1974.

Aya R. Theories of revolution reconsidered: contrasting models of collective violence // Theory and Society. 1979. Vol. 8. No. 1.

Brinton C. The Anatomy of Revolution. N. Y.: Harper and Row, 1965.

Collins R. Sociology Since Midcentury. N. Y.: Academic Press.

Collins R. Weberian Sociological Theory. N. Y.: Cambridge University Press, 1986.

Edwards T. Comined and Uneven Development. L.: New Left Books, 1982.

Eisenstadt S.N. Revolution and the Transformation of Societies. N. Y.: Free Press, 1978.

Durkheim E. Suicide. N. Y.: Free Press, 1951.

Freud S. Civilization and its Discontents. N. Y.: Norton, 1961.

Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. N. Y.: Norton, 1959.

Hintze O. The Historical Essays of Otto Hintze. N. Y.: Oxford University Press, 1975.

Johnson Ch. Revolution Change. Boston: Little & Brown, 1966.

Kimmel M.S. Revolution: A Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple University Press, 1990.

Le Bon G. The Psychology of Revolution. N. Y.: Putnam's, 1913.

Leiden K., Schmitt K.M. The Politics of Violence: Revolution in the Modern World. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.

Muller E.N. Economic Determinants of Democracy // American Sociological Review. 1995. 60. 6. P. 966—982.

Mousnier R. The Fronde // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Ed. by R. Forster, P. Greene. MD: Johns Hopkins University Press, 1970.

Olson M. The Logic of Collective action. N. Y.: Schocken Books, 1965.

Paige J. Agrarian Revolution. N. Y.: Free Press, 1975.

Parsons T. The Social System. N. Y.: Free Press, 1955.

Pettee G.S. The Process of Revolution. N. Y.: Harper and Brothers, 1938.

Polanyi K. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1957.

Robinson P. The Freudian Left: Wilhelm Reich, Geza Roheim, Herbert Marcuse. N. Y.: Harper and Row, 1969.

Skocpol T. States and Social Revolutions. N. Y.: Cambridge University Press, 1979.

Smelser N. A Theory of Collective Behavior. N. Y.: Free Press, 1962.

Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading, MA: Addison-Wesley, 1978.

Toqueville A. The Old Regime and the French Revolution. N. Y.: Anchor, 1955 [1856].

Trotsky L. The History of Russian Revolution. N. Y.: Doubleday, 1959.

Trimberger E.K. Revolution From Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru. New Brunswick NJ: Transaction Books, 1978.

Wallerstein I. The Modern World System. Vol. 3. San Diego, SA: Academic Press, 1989.

Walton J. Reluctant Rebels: comparative studies of revolutions and undevelopment. N. Y.: Columbia University Press, 1984.

Wolfenstein E.V. The revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971.

Zagorin P. Rebels and Rulers. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Препринты ИГИТИ ГУ ВШЭ
Серия WP6 «Гуманитарные исследования»

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Функции истории. Препринт WP6/2003/01. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. Препринт WP6/2003/02. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Руткевич А.М. Психоаналитическое учение о символе и интерпретации. Препринт WP6/2003/03. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
4. Андреев М.Л. Второе рождение нормативной поэтики. Препринт WP6/2003/04. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
5. Самутина Н.В. Современное европейское кино и идея культуры («прошлого»). Препринт WP6/2003/05. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. Препринт WP6/2003/06. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
7. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
8. Никс Н.Н. «Велик и благороден труд профессора» (Жизнь и деятельность московской профессуры второй половины XIX — начала XX вв.). Препринт WP6/2004/01. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
9. Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. Препринт WP6/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
10. Андреев М.Л. Формы прошлого в классической европейской литературе. Препринт WP6/2004/03. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
11. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем. Препринт WP6/2004/04. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
12. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
13. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти». Препринт WP6/2004/06. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
14. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. Препринт WP6/2004/07. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
15. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. Препринт WP6/2005/01. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
16. Капелюшников Р.И. Деконструируя Поланьи (заметки на полях «Великой трансформации»). Препринт WP6/2005/02. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

17. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века. Препринт WP6/2005/03. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
18. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и социальные науки. Препринт WP6/2005/04. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
19. Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: от Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. Препринт WP6/2005/05. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
20. Фрумкина Р.М. Культурно-историческая психология Выготского — Лурия. Препринт WP6/2006/01. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
21. Полетаев А.В. Валовой внутренний продукт Российской Федерации в сопоставлении с Соединенными Штатами, 1960–2004 гг. Препринт WP6/2006/02. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
22. Руткевич А.М. Прошлое историка. Препринт WP6/2006/03. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
23. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знают ли американцы историю? Часть 1. Препринт WP6/2006/04. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
24. Вахштайн В.С. «Неудобная классика» социологии XX в.: творческое наследие Ирвинга Гофмана. Препринт WP6/2006/05. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
25. Савельева И.М., Полетаев А.П. Знают ли американцы историю? Часть 2. Препринт WP6/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
26. Зарецкий Ю.П. Зачем писать это? (Послание римского папы турецкому султану). Препринт WP6/2006/07. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
27. Самутина Н.В. Идеология ностальгии: проблема прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
28. Руткевич А.М. Времена идеологов: философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

Препринт WP6/2007/03
Серия WP6
Гуманитарные исследования

А.В. Юревич

Психология революций

Публикуется в авторской редакции

Выпускающий редактор *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Отпечатано в типографии ГУ ВШЭ с представленного оригинал-макета.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,7.
Усл. печ. л. 1,8. Заказ № . Изд. № 685.

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73

Для заметок
